

Деда привезли после обеда, часа в три пополудни. Дождались, пока сторож откроет высокие ободранные двери, два мужика-соседа за бутылку сгрузили из кузова гроб и небрежно бросили его посреди пустого гулкого двора. Только после этого послали мальчишку за отцом Евфимием. В церкви всё было готово к отпеванию. Не было только народа. Обычная на похоронах суета, нищие, хор, соседи и близкие покойного, случайные прохожие— всё было с утра. С утра собрались, долго ждали, обсудили все последние новости, потом разошлись, усталые и хмурые. А уж ко времени приезда Семёна с гробом ни внутри, ни снаружи церкви никого не осталось. Мокнуть под дождём никому не захотелось.

Тётка Марья всю дорогу ехала в кабине. От тряски она вылезла из машины ни жива ни мертва, хоть рядом с дедом ложись в могилу. Домой не зашла, только махнула на ходу рукой дочери Вале да велела принести ей таблетки. Семён же ехал в кузове у гроба покойника, успел выспаться за три часа пути.

Полумрак церкви несколько остудил разгорячённые дорогой головы и нервы Семёна и его тётки Марьи.

Тётка Марья как вошла в церковь, тут же опустилась на скамейку у входа, закрывая трясушейся ладонью искривлённый рот да приспуская всё ниже на глаза тёмно-синий платок. Семён зашагал от одной стены к другой, глядел в ожидании на едва различимые в полумраке образы в рамах. Не думалось ни о чём. Мысли путались. Где-то за стеной пронзительно пропел петух, нарушив беспокойную тишину маленького, но гулкого пространства церкви. Тётка Марья вздрогнула, закрыла ладонями лицо, концами платка отёрла набжежавшую слезу, резко поднялась с места. Хоть и тяжела была тётка Марья с виду, но в хозяйстве оказывалась скорая и сноровистая. Вот и теперь после долгой дороги временная затыжка на месте, видимо, начала её раздражать. Несмотря на усталость, она решила действовать и уже готова была пойти навстречу отцу Евфимию.

Скрипнула дверь, Семён обернулся на звук, но вместо отца Евфимия в церковь вошёл мальчишеская служка, взял у Семёна документы и снова удалился. Никто не сказал ни слова. Только где-то вверху, у потолка, летала муха, гудящая на низкой ноте,

внося какое-то разнообразие в тягучую тишину. Через минуту мальчик вернулся, зажёт свечи и снова удалился.

Семён вышел на крыльцо. После тёмного внутреннего пространства свет улицы его ослепил. Семён зажмурился, мотнул головой раз-другой, спустился со ступенек, расстёгивая на ходу пуговицы куртки и оттягивая свитер. Не дышалось.

Дождь почти прекратился, только в глазах Семёна стояла какая-то пелена, совсем такая же, какая бывает при первых признаках обморока. Пелена не была похожа ни на капли дождя, ни на морось, ни на туман. Водяная пыль окутала деревню сверху донизу, покрывала серым налётом и дома, и деревья, и покосившийся колодец на краю деревни, полуразрушенный и брошенный людьми, но памятный для Семёна. Здесь, из этого самого колодца, Семён брал воду, когда впервые приехал к деду. Здесь, у церкви, стоял он с двумя ведрами посреди белого дня и жарился на солнцепёке, дожидаясь, пока в ведро наберётся вода, бегущая в это время суток медленно и лениво. Как посмотрела тогда на него мелкая деваха, проходя мимо, прыснула со смеху и убежала. Потом он узнал, что зовут её Маринка, что живёт она здесь с матерью и отчимом, учится, между прочим, в седьмом классе в Горках, что в трёх километрах отсюда. И что школа там большая, тоже узнал Семён потом. Дед рассказал. И познакомился Семён с Маринкой дней через пять-шесть, когда послал его дед к соседям за хлебом. А соседи-то возьми да и окажись родителями той самой Маринки. Вот такая связь колодца и девахи Маринки получилась в голове Семёна.

Влажный ветер с реки освежил и продул лёгкие Семёна. Резкие порывы взметали на поверхности луж пену, снося в то же время с деревьев и крыш набегающую водяную волну. Семён обошёл церковь с правой стороны, посмотрел вниз с крутого обрыва на реку, примерился, сможет ли он спуститься по откосу или съедет вместо этого на заднице, весь в грязи и ссадинах, на самый берег. Решил не рисковать. Долго смотрел на открывшийся вид в серой водной пелене. Совсем собрался уже уходить, даже поднял воротник куртки, зябко ёжась от сырости и ветра. И неожиданно остановился, приложил руку к больным векам. Показалось, там, вдалеке, над рекой желтеется

что-то, как просвет какой. Мелькнуло вроде ярко и вдруг опять тут же заволокло, как и не было. Воспомнилось дедово слово: «блик». Слово какое-то нерусское. Где он его услышал? Надо же придумать: «блик». Мелькнул и пропал, как и не было. Опять же дедово слово: «какинебыло».

Что же сегодня Семён слова-то вспоминает дедовские вместо самого деда? А может, и не вместо, а вместе с дедом? День-то сегодня его. Похороны. Смотрит он, поди, сейчас на Семёна, упорно так смотрит, с вызовом: мол, что, сокол, приуныл? Аль напакостил опять что? Делом пойдй займись. Не стой как пенёк. Тётке, опять же, помоги.

Мысль о тётке погнала Семёна в церковь. Но не дошёл он до места, но повернулась рука открыть тяжёлую дверь, чтобы услышать молитвы и быть свидетелем службы. Остался снаружи. Присел на мокром крыльце на корточках, прислонился к колонне, фуражку снял и голову опустил. Сидел, слушал, что творилось там, внутри. На душе было спокойно и радостно. Захотелось запеть что-то своё, тренькая на разбитой гитаре, как когда-то в детстве. Деду уж больно нравилось, что поёт он под гитару. И не какую-то там лабуду, попусу дешёвую, а романсы знает русские, песни душевные, хоть и застольные, но напевные и со смыслом. А не эту зековскую дребедень. Семён знал, что деду нравится. Он и пел для него то, что хотелось старому. А остальное приберегал для других компаний.

Подошла Валя, принесла таблетки для тётки Марьи.

— Сидишь? — спросила.

Он не ответил. Валя постояла около него минуту и вошла в церковь.

Семён оглянулся на скрипнувшую дверь, поднялся с крыльца и пошёл в сторону дома тётки.

Желтизна неба разлилась очень широко. Теперь она уже не походила на отдельные всполохи, блики, а скорее была похожа на половодье жёлтой реки, вышедшей из берегов неба и затопляющей всю округу от горизонта до самых ближних подступов к церкви. Через сотню метров Семён свернул в переулок, прошёл между двумя дощатыми заборами. Во дворе одного дома он увидел надувной бассейн, полный воды, которая накопилась во время дождя и теперь покрывала борта бассейна. А на земле, мокрой и оттого бурой, виднелся широкий след потока, который совсем недавно иссяк, но ещё не успел просохнуть.

Семён почему-то задержался на короткое время, навалился грудью на гнилой штакетник, присел на кленовый обрубок, оставшийся здесь после того, как клён спилили. За три года пенёк не успел совсем почернеть, лишь подёрнулся сверху тонкой сеткой морщин и мелких трещин да чуть загорел на солнце. Глаза смотрели на этот надувной бассейн цвета морской волны и не видели, скорее,

различали тени, грубые очертания предметов, уводящих в далёкое прошлое, в очень, казалось бы, далёкое прошлое. И этот бассейн, и вода в нём, и странный след потока воды на земле напомнили сейчас Семёну место последней встречи с Люськой, его любовью, чуть не ставшей его женой. Тогда он её напугал. Ой как напугал! Она бежала от него через всю деревню, даже не закричала, хотя и должна была вроде. Хотел он ей рассказать, да не захотела она его слушать. Сочла его за дурного. Так побежала, что догнать её не мог. Заперлась в доме и молчком сидела, пока он не ушёл. И тогда он уехал. Собрался на следующее утро и укатил в город. Даже не попрощался.

Жаль, конечно, что не получилось с Люськой. Он ведь её оценил! Сразу, как только увидел. Как она купалась в своём бассейне, в таком же вот, как этот. А может, это и есть тот самый бассейн. Цвет вроде тот же. И по загибам с углов как будто он. Михалыч вроде говорил, что Люська продала бассейн кому-то из соседей для внуков. Придумала же, дура, покупать бассейн в деревню, где озеро совсем близко. Дойти-то до него минут пятнадцать. А на велосипеде так и вообще за пять минут доехать можно. Зачем он ей нужен был? Странная она всё-таки баба!

А чё, хоть и странная, а в хозяйстве, как говорят, пригодилась бы. Нет, конечно, он сам виноват, не объяснил ей вовремя, что к чему. Ему тогда и самому-то не очень понятно было про эти блики. Дед ему объяснял, да он до конца так и не понял. Что-то такое мудрёное... Говорил, что ему нравится глядеть на блики, ловить их каждое появление, караулить их, когда восходит солнце, или, наоборот, выбирать такой особый ракурс, когда во тьме мелькнёт и погаснет огонёк и отразится в стекле лампы.

Это дед Семёну стал говорить не сразу, а как тот пообвыкся малость. Ну, про блики эти самые. Помнится, пошёл Семён на рыбалку. Поутру сам встал рано, с будильником, чин по чину, деда будить не стал, собрался, только за порог — а дед тут как тут. Ты, говорит, принеси мне ключевой воды от ручейка, что по дороге к озеру. В бутылку набери и принеси. Да пригляди, говорит, за солнышком, как оно играет. Полюбуйся на него, на отражения в воде, может, и поймашь чего. А чего там ловить-то? Рыба в озере, в ручье её нет и никогда не было. Мал он слишком, ручей этот.

А нашёл его Семён сам, когда в первый день приезда добирался до дома деда. Вода там действительно хороша! Холодная, вкусная, даже как будто вкус у неё какой-то особый имеется. До сей поры Семён помнит, как шёл он полем от остановки, как оттягивались его руки сумками, как потел он и сдержанно улыбался, костеря в сердцах позвавшего его погостить деда.

Уже отчаялся дойти Семён до деревни Майоровки, что под горой за леском, да пахнуло откуда-то справа свежестею, мелькнуло что-то яркое среди кустов; трава ли здесь зеленее ему показалась, или почувал что, но свернул с тропинки вовремя вправо и через пару шагов увидел озерко недалече. Чуть дошёл до берега, сумки поставил, рубашку скинул, пошёл умыться. Да так и замер. Так и загудело где-то в затылке его от тишины полдневной. Ровным зеркалом вода стояла, не шелохнулась, пока не тронул он её рукой. Стояла и послушно отражала все предметы окружающие, что посылали ей свои образы текучие. А как тронул поверхность её зыбкую, зарыбила мелким бисером, разбрасывая всполохи искр солнечных. Залюбовался Семён тишиной и солнцем. Разделся полностью, чтоб подышало тело всё целиком, а не только горлом. Да нырнул подальше да поглубже, задевая подводные камни. Да проплыл ещё не спеша, да понежился на водной глади. И ни одного лица. Ни одного голоса, даже птичьего. Уже не говоря о людских голосах в эту пору.

Посидел на бережке, где купался, поглядел на другой бережок, рыбацкий. Там, среди камышей да осоки, вешки были видны хозяйские. А кто хозяин? Да какая ему, Семёну, разница, кто хозяин? Может, и объявится через день-два. Или встретит его Семён утречком на рыбалочке. Как-никак с малых лет пристрастился Семён к нехитрой этой безделице—рыбалке. А вот ведь тянуло его к воде, к мелочи этой живой, что в руке трепыхалась. Хоть и не был Семён раньше у деда, а знал, что припрятана где-то в снях дедова старая удочка. С ней-то и пойдёт Семён утречком сюда, на озеро. А теперь пора в путь. Отдохнули, можно и дальше двигать.

Недалеко отошёл Семён от озера. Попался ему навстречу мужчина в плотной брезентовой куртке, болотных сапогах и шляпе, с рюкзаком и удочкой в руках. Семён спросил его про Майоровку, правильно ли он идёт.

— А ты чей будешь?—спросил мужчина.— Не Старкова ли, случаем?

— Его. Племянш я его внучатый.

— А, внучатый. Ну-ну. Дед он тебе, значит, да?

— Ну да. Дом-то его далеко отсюда?

— С этого края, как колодец пройдёшь, там ещё гуси будут у забора, так его дом-то пятый будет справа, с бордовой крышей. Он её в прошлом году крашил. А я пошёл. Давай.

Мужчина ушёл, Семён же, проведив его взглядом до первого поворота, зашагал к дому деда.

Теперь-то Семён помнил каждый изгиб ручейка, мог доподлинно узнать шелест его среди других лесных шумов и шорохов. А тогда, в первый день приезда, совершенно случайно набрёл он на этот чистый источник. Два камушка положены были добрыми людьми для удобства, да досочка постелена сбоку. Как увидел Семён впервые доску-то,

да замелькали солнечные отражения на поверхности ручья, так захотелось Семёну из него напиться да голову смочить. Приустал он добираться до деда. А как вкусил воды ледяной, как ощутил зубами холод подземный, так и ударил ему в нос аромат медвяный с полян лесных. Разбудить захотелось ему лес спящий, в жаре томящийся. Гаркнуть так, чтоб птицы всполошились да с ветвей вспорхнули ввысь. Умылся тогда Семён, посидел пяток минут у воды. И вновь пошёл искать деревню. Только через минуту показалась она ему сама, как на взгорок-то он забрался да вниз глянул.

А уж когда на рыбалку пошёл, добрёл до первых берёзок с края леса, спустился к ручью, набрал в бутыль прохлады чистой и ароматной да на про-свет сквозз бутылку посмотрел, ища случайные крупинцы мусора. А поймал только солнечный луч, что больно кольнул его в глаз, и улыбка на лице его заиграла. Блик он тогда поймал солнечный, стеклянный, только не понял он ещё всей красоты явления. Уж много позже, месяца через три, после объяснений деда, он стал искать эти блики. Да только перестали они ему попадаться. Вот вроде должен быть сейчас здесь. Ан нет. Дед его ещё и отругал. Что ты, говорит, судьбу подгоняешь? Что тебе неймётся? Оставь ты их специально ловить. Они сами придут, дай время.

Семён встряхнулся, поднялся с кленового пенька. Вот куда воспоминания его завели. Далеко по времени, да близко по сердцу, почти к самому началу. К самому истоку его знакомства с бликами этими. А что же дальше? Что было следующим в этой цепочке событий?

Семён вспомнил, как дед сказал ему однажды:— Ты думаешь, вода—она что... течёт себе, живёт в ней кто-то... и всё? Ну да... Кошлытется, отражает буторки там всякие, буруны, волны. А как успокоится?... А встанет зеркалом чистым?... А как мелькнёт лучом? Вот тебе и блик. Блик! И всё! И душа запела! Оно ж ведь живое существо... стекло-то воды. Оно дышит.

А когда же он Семёну это успел сказать? Это было...

Да... Сидели они вечером во дворе. Только прошёл летний короткий ливень. Скамейка была мокрой, но дед накрыл её клеёнкой, а сверху постелил старое одеяло. Солнце как будто ещё и не думало заходить, а лишь намекало на позднюю пору красноватыми отсветами. Жестяная бочка наполнилась дождевой водой. И теперь ещё тонкие ручейки стекали с крыши по тонкому жёлобу и капали звонко в маленькое, но глубокое озеро внутри бочки. Семён прислушивался к биению этих капель, их звуки казались ему сейчас удивительно музыкальными.

Дед помолчал, а потом глянул на небо, на бочку, усмехнулся, поднял руку и тихо сказал:

— Вот он, лови его, фотографируй!

И тут же, как по заказу засветился над водой в бочке, заиграл, замельтешил огонёк солнечно-красный. Капли падали в бочку, а огоньки множилось, разбегаясь к краям бочки мелкими волнами. — Ты прям волшебник, дед, — Семён смотрел заворожённо на сверкающие блики над огненно-кипящей бочкой воды, улавливая тонкие звуки падения капель в полной предзакатной тишине. — Не веришь? — спросил дед с горечью. — А вот ты послушай. Раньше я тоже, как и ты, не видел этой красоты. Открылась она мне поздно, когда уж всякий смысл этой жизни терять стал. Видел бы ты в ту пору мой сарай! Когда Марья ко мне приехала да начала разбирать там хлам всякий, мешков семь или восемь только одних бутылок набрала. Пил я тогда, грешным делом, по-чёрному. После смерти Глики-то моей, бабушки твоей родной. Ох, затосковал я тогда. Думал, сам сгину. Думал, напьюсь и замёрзну в каком-нибудь сугробе. Или в прорубь кинусь. А только знаешь, подойду, бывало, к польные зимой, гляну в черноту её да и закину сразу удочку, чтоб не совсем сплошное пространство было тёмное. Космос-то подводный — он, знаешь, бездонный, манящий, как магнит. Так и спасался от пропасти вином и рыбалкой. А весной Марья ко мне приехала. Как начала меня шерстить, как взялась наводить порядок. Хотел прогнать её, а она ни в какую. Прижилась у меня. А как вышла на пенсию, так и совсем у меня обосновалась. — И красоту эту она тебе открыла? — Семён незлобно скривился, хотел сплунуть, да передумал, постеснялся.

— Нет, не она... — дед поглядел опять в сторону светлой закатной полосы. — Но она поняла меня сразу. С первого раза. А ведь я её тогда чуть не пришиб. В пьяном угаре да со злости-то, что все бутылки выкинула, я за топор схватился — да за ней. А она от меня к церкви побежала. У Бога, значит, защиты просить прибежала. Да... А как прибежала да на обрыв-то встала, так ноги-то у неё и подкосились. И если б не поддержал я её тогда, нырнула бы она вниз-то через меня. Успел её поймать. А как схватил её руку, меня как обожгло. Смотрю на неё, а она вся в зареве солнечном закатном, вот как сейчас. И зазвенело где-то у меня в голове что-то такое мятежное. И тут же следом за звуком этим прошлась по реке волна, да так ярко блеснула, такими красками развернулась, бликами солнечными мелькнула да ударила по моим пьяным глазам, так протрезвел я враз. Обнял я её, на колени встал, поклялся, что брошу всю эту пьяную вакханалию. Так с тех пор, кроме чая да кваса, ничего и не пью.

— А она мне и не говорила ничего такого, — Семён смотрел на деда новыми глазами.

— А что тут говорить?.. И так всё ясно, без слов.

Действительно, что тут можно говорить, когда человека узнаёшь только после его смерти? И то по

воспоминаниям. Пока жив человек, не думаешь, чем он дышит, кого любит, куда мысли его текут. А как помрёт, сразу начинают люди вопросы задавать да сказки-небылицы выдумывать.

А в августе гроза на деревню налетела. Провода многие порвала, деревья повалила да людей обездолила. Сидели четыре дня без света, достали из погребов и подвалов старые светильники, лампы керосиновые, свечи везде поставили. Вот тебе и цивилизация!

Только когда мужики сходили в соседний колхоз да выпросили машину с электриками, дело пошло. День ковырялись, но к вечеру (уж и не чаяли) сделали.

За три вечера, что сидели в потёмках, Семён не один раз почувствовал, что дед живёт какой-то особой жизнью. Совершенно изменилось его отношение к окружающим предметам. Или Семён не обращал внимания на странности старого?

В первый вечер они долго сидели на воле, дышали свежим воздухом. И хоть тепло было днём, к вечеру потянуло свежестью. Ёжились, сидя на скамейке, но в дом не шли. Уже когда совсем стемнело, это уж где-то часов в одиннадцать, решили зажечь свечку да готовиться ко сну. Дед покопался в кладовке, нашёл свечи, поставил одну в подсвечник, приготовил ещё одну на всякий случай, но зажигать не стал. Обошёл весь дом по кругу, освещая стены и нагоняя на них причудливые тени. — Это, — сказал, — для того, чтоб изгнать всю нечисть из дома, всю отрицательную энергию. Давно я этого не делал.

Весь следующий вечер дед просидел около окна, глядя на соседний дом через улицу, на пьяного Гришку, который шёл по селу и песни орал, на то, как надвигалась темнота, как стали зажигаться мелкие огоньки в домах поодаль. Когда в соседском доме зажгли свечки, дед поднялся. — Что ж, пора и нам зажигать свой фитилёк.

Он чиркнул спичкой, поднёс её к свечке, стоящей на холодильнике. Когда свеча разгорелась, дед подошёл к столу и, видимо, хотел её поставить, но вдруг замер и как-то несмело посмотрел в окно, против которого оказался.

Семён сидел за его спиной и не видел того, что поразило деда. Но напряжённая спина старика выдавала некоторый интерес его к тому, что было за окном.

— Чего углядел, дед?

— А блики-то не только от солнца бывают! Едрён-ть... Ты погляди, какая необычность! Какой блеск и стройность. Горит свечка ровно, и отражение её в стекле живёт спокойной жизнью. Чуть затрепетала свеча, так и отражение колыхнется как на ветру, отгибает его в сторону, будто нехотя, будто против его воли. И какие переливы света, какая живая гармония в этом мёртвом стеклянном блеске просыпается. Блик есть. Значит, должно

быть солнце? А солнца-то и нет вовсе. Вот ведь в чём вопрос-то безответный. Стекланный блик-то получается, не солнечный.

Дед ещё постоял у окна, вглядываясь в темноту, как бы ожидая чего-то. Повернулся в красный угол, перекрестился и задул свечу.

А следующим вечером, сидя в полутёмной комнате, дед вдруг сказал:

— Ты знаешь, если я вдруг умру, ты последи, чтобы на похоронах обязательно сверкали блики. Солнечные или стекланные, не важно. Но хочется мне, чтобы они меня сопровождали. Жить помогали, так пусть и при кончине моей будут рядом.

— Ты о чём говоришь-то, дед? Ты вот сейчас о чём говоришь-то? Ты хоть сам понимаешь?— Семён даже растерялся от неожиданности.

— Да не пугайся ты раньше времени. Не собираюсь я сейчас умирать. Я ещё поживу. Но если вдруг... Понимаешь? Если вдруг я помру... Ты мне пообещай, что привезёшь меня в этот дом. Я, конечно, всё понимаю... Вам жить хочется спокойно, не мешать друг дружке с Марьей-то. А она Валюху хочет сюда привезти. Здоровьем девчонка слабая, её надо беречь, воздух ей нужен чистый, деревенский. Пусть Марья здесь останется, а я к тебе в город на зиму переберусь. Чай, не помешаю?

— Нет, пожалуйста, конечно, только как-то всё это неожиданно.

— Чего набычился-то? Или угол отнимаю у тебя? Ладно, забудь. Считай, что я пошутил неудачно.

Дед ушёл в сени, чем-то там громко и долго гремел, пришёл обратно и сразу лёг спать. Даже свечу не стал гасить. Семён поднялся от окна, где сидел, задёрнул занавеску, задул свечу и тоже лёг. Когда он заснул? Сказать трудно, потому как ночь—она обмануха. Лежишь без сна час, а кажется, что все три прошли.

Утром проснулся с головной болью, как со страшного бодуна. Деда в доме не было. В огороде тоже...

Семён заглянул в сени. Сапог и удочки в сенях не было, только на полу в углу, где хранились удочки, темнело маленькое пятно от удилица. Семён собрал несколько бутербродов, налил в термос горячего крепкого чая, завинтил его крышкой и отправился к озеру.

Моросил мелкий дождь. День начинался серо и холодно. Частые круги на воде делали поверхность озера шербоной и как бы мелко рубленной. На привычном месте деда не оказалось. Семён покружил некоторое время по берегу, заглянул в лощину с мелким потоком, который вытекал из озера, но и там никого не нашёл. Оставалось одно место, где Семён всё-таки надеялся найти старика. Так и случилось. У самой церкви под крутым обрывом торчали две тонкие тросточки, в которых угадывались удочки деда.

Сам дед стоял на берегу и не смотрел на воду. Казалось, он совсем забыл, зачем пришёл сюда.

Кепка была сдвинута низко на лоб, отчего глаза его совсем спрятались и не показывались из-под козырька. Однако у самой воды в мелком ведёрке плескались пара окуней да две-три сорожки. На земле лежал кусок белого, смоченного водой хлеба. — Так ты сегодня на хлеб решил ловить? — Семён подошёл к деду почти вплотную.

Тот не отвечал.

— Хлебни чаю, согрейся,— Семён протянул деду стакан с горячим дымящимся напитком.— Как ты любишь.

— Проснулся?— дед искоса посмотрел на внука, взял стакан, отхлебнул осторожно глоток.— Рассказывай, что надумал.

— А что рассказывать? Вот думаю в прихожей обои поменять, купить что-нибудь этакое, в виде природного пейзажа, лес там какой-нибудь или озеро. Ты же любишь озеро.

— С ума сошёл? Из-за меня обои переклеивать? Не смехи народ. Не жениться же ты собираешься?

— Ну вот и ладно. Когда поедем?

— А вот как Марья приедет дня через два-три, так и поедем.

В тот день они не торопились. Не договариваясь, всё ждали чего-то. И оно случилось. Солнце вышло. Блеснуло сначала робко, неуверенно, слегка разгоняя тучки, а потом всё больше напрягаясь и работая мощным поддувалом, ударило по мокрой земле горячим лучом—и за клубилось всё вокруг, зашипело с удовольствием. Блик только в этот день не пришёл. Солнце было, а блик не пришёл. Солнце разгорелось, а дед потух, загрузил.

А через три дня, как и сказал дед, приехала Марья, ещё через два дня они стали собираться и уехали в город. Осталась Марья полновластной хозяйкой в дедовом доме.

И вот теперь дед вновь вернулся в свой дом. Потребовалось всего ничего. Потребовалось только провести три года вдали от дома и умереть, чтобы вновь обрести покой на своей земле. Он вернулся в свой дом, не заходя в него. Теперь для него домом стали четыре доски и ком сырой земли. Но земля всё-таки была родной, той самой, которая грела его своей близостью, давала пищу для размышлений и дарила иногда солнечные блики.

Семён бросил горсть землицы на крышку гроба, следя краем глаза за неторопливыми движениями могильщиков. После дождей земля была мокрая и липла к лопатам. Но могила была на удивление сухая и ровная. Она постепенно заполнялась. Вот уже крест с фотографией занял своё место в ногах покойного. А над крестом широко развернулось серое, беременное тучами небо. И только где-то очень далеко, почти у самого горизонта, горела жёлтая полоса. Да жалобно запел тонкий голосок колокольчика, друга велосипедистов. У церкви гулко хлопнула дверь, и послышался скрип задвижкой металлической щеколды.

И даже когда стихли уже все звуки, в мире всё равно не стало спокойно. Не было в этом мире бликов. Умерли они, что ли, вместе с дедом? Но ведь так неправильно! Зачем он унёс их? Зачем не оставил, хоть в память о себе?

Семён вскинул голову к горке, на которой покоилась старенькая деревянная церковь. И там,

внутри церкви, что-то как будто блеснуло, что-то затеплилось, что-то притянуло жаждущий видеть взгляд. То ли ходил там кто-то со свечкой, то ли разжигали свечки, готовясь к очередной вечерней службе. Но свет этот неяркий трепетал и мигал, то замирая, то вновь оживая, выдавливая благодарные слёзы.